

Петер Бранг

Тургенев – чтец

Памяти М.П. Алексеева

Б.М. Эйхенбаум в небольшом эссе “Иллюзия сказа” (1918) отметил старания ряда современных немецких филологов (Сиверс, Саран и др.) заложить основы “слуховой” филологии наряду с “глазной”. Эйхенбаум назвал это “чрезвычайно плодотворной идеей”. Ведь литературоведение, по его мнению, не должно забывать о том, что в области словесного искусства внимание следует обращать не только на письменную форму, но и на устные аспекты произведения. Перечисляя писателей, в творчестве которых устность играет особенно важную роль, Эйхенбаум называет Пушкина, Гоголя и Лескова. Но, пожалуй, всего подробнее он говорит о Тургеневе: “Романы Тургенева – те же новеллы: у него никогда нет прочного узла для всех лиц, хотя их обычно немного; Лизу и Лаврецкого легко отделить от остальных, составляющих только фон. Поэтому ему так просто остановить развитие фабулы и в 8 главах подробно рассказывать историю Лаврецкого. Для Тургенева это характерно – он всегда стремится рассказывать, он всегда обращается к слушателю. Тургенев ‘имел дар слова и говорил охотно, плавно, любил, кажется, больше рассказывать, чем разговаривать’, сообщается в одном воспоминании. Диалог – слабое место его романов. В ‘Записках охотника’ он – сказитель, и это его настоящий тон. Его повести именно *повествуются* – они часто даже с внешней стороны построены на иллюзии действительного, непосредственно воспринимаемого устного рассказа, как ‘Первая любовь’, ‘Рассказ о. Алексея’, ‘Тамлет Щигровского уезда’, ‘Живые мощи’” (Эйхенбаум 1924: 153-154).

Задача настоящей статьи – собрать и исследовать свидетельства современников о чтении Тургеневым художественных текстов вслух и в целом о его отношении к ‘устным формам бытования литературы’.

Ведь не только ‘одно воспоминание’, но и множество других источников свидетельствуют о том, что Тургенев в личном общении был искусным рассказчиком, занимательным собеседником и блестящим импровизатором¹. ‘Устность’

---

¹ Ср. воспоминание А.Ф. Конни о том, как Тургенев делился впечатлениями от скульптур, найденных при раскопках в Пергаме – этот импровизированный устный рассказ вылился в статью “Пергамские раскопки” (1880); или же подробный рассказ М.П. С-вой об импровизации в 1864 г. на берегу Женевского озера: Тургенев излагал сюжет

играла существенную роль в его отношении к литературному творчеству. Тургенев был прозаиком. Ниже мы рассмотрим вопрос, какие свои или чужие произведения он читал вслух, кому, каким образом и по какому случаю. Прежде чем осознать, что настоящее его призвание – проза, Тургенев, как известно, пробовал свои силы в стихотворстве²; поэзия и ее судьбы всю жизнь оставались предметом его занятий и живейшего интереса (напр. в письме К.Н. Леонтьеву 12-го июня 1851 он преподносит адресату настоящий урок об устройстве гекзаметра – четыре страницы печатного текста; в 1854 г. Тургенев написал рецензию на стихотворения Ф.И. Тютчева и предисловие к стихотворениям Е.А. Баратынского, а в 1856 г. подготовил к печати новое издание стихотворений А.А. Фета); за свою жизнь он прочел вслух несметное количество стихов – как в частном кругу, так и публично. Об этом пойдет речь ниже.

Чтение стихов в прозаических произведениях Тургенева

Какую роль играет декламация стихов в его рассказах, повестях и романах?

В “Фаусте”, ‘рассказе в девяти письмах’, (1856) рассказчик П.Б. декламирует гётевскую трагедию. Чтение приводит к тому, что Вера Николаевна, замужняя женщина, вопреки запрету матери начинает читать художественную литературу, она влюбляется в рассказчика, заболевает и умирает. Во время болезни она бредит Фаустом, отождествляет себя с Маргаритой. В повести “Ася” (1857) рассказчик N.N. читает своему другу вслух поэму “Герман и Доротея”; а молодой девушке, слышавшей чтение (и влюбленной в чтеца, как тому кажется), на следующий день “вдруг вошло в голову быть домовитой и степенной, как Доротея” (гл. 6). Позже она просит рассказчика “Ну, рассказывайте же [...] рассказывайте или прочитайте что-нибудь, как, помните, вы нам читали из ‘Онегина’ [...]. А я хотела бы быть Татьяной” (гл. 9). В повести “Затишье” (1854) Марья Павловна не любит поэзии, считая ее ‘сладкой’, а она “вообще ничего сладкого терпеть не может”. Но после того, как Астахов ей прочел ‘горькое’ стихотворение Пушкина “Анчар”, она просит его “Прочтите еще” (гл. 2). Позже она, очевидно, декламирует это стихотворение про себя, хотя в последствии отрицает это: “я никогда не декламирую” (гл. 3). А влюбившись в ветреного Веретьева (гл. 4), она читает ему “Анчар”: “она читала своим ровным мягким голосом, напоминавшим звуки виолончели; но когда она дошла до стихов: ‘И умер бедный раб у ног / Непобедимого владыки...’ – ее голос задрожал...”. Веретьев бросается к ее ногам: “Я твой

повести, которая так и осталась ненаписанной (Фридлянд 1969, II: 50-53), а также сообщение Полонского об устной новелле Тургенева, действие которой проходит на другой планете (*там же*: 424-426) и о возникшем экспромтом французском четверостишии по поводу своего носа, сиротеющего без табакерки (*там же*: 435).

² “...я тотчас бросил стихи писать, как только убедился, что я не поэт.” (В.П. Боткину, 1 марта 1857, ср. ПСП 3: 92).

раб, – воскликнул он, – я у ног твоих, ты мой владыка [...]”. Покинутая Веретьевым, она топится в пруду (гл. 6). Чтение “Анчара” ускоряет развитие трагической любви. Впрочем в 29-й главе романа “Новь” Марианна предлагает Нежданову “читать вслух из Шпильбагена” (имеется в виду немецкий роман “Один в поле не воин”, где описывается крестьянское восстание), но “не успела она кончить первую страницу, как он стремительно встал” – он добивается любви Марианны, но не способен увлечься делом революции. Чтение раскрывает ‘идеологическую несостоятельность’ Нежданова.

Роль чтецов

В трех сочинениях Тургенева мы встречаем старинный обычай: чтец в составе прислуги богатого дома. Эта реалья упоминается и у Пушкина: Лиза в повести “Пиковая Дама” – чтица престарелой старухи. Впоследствии чтецы исчезли из социальной действительности³; канул в прошлое и чтец как литературный персонаж; мотив этот встречается теперь только в затейливых преломлениях, как, например, в повести “Чтец” немецкого писателя Бернхарда Шлинка. В наше время чтецы – это актеры и деятели искусства, записывающие аудиокниги⁴. Работать таким образом с Тургеневым – особенно благодарная задача, потому что чуть ли не половина его повестей *рассказывается*. Приведем некоторые примеры в дополнение к четырем, названным у Эйхенбаума: “И наш приятель приступил к повествованию” (“Степной король Лир”), “Я расскажу Вам, господа, историю, случившуюся со мной” (“Стук... Стук... Стук!..”), “Придется все рассказать. Слушайте.” (“Несчастливая”), “Мне было тогда лет двадцать пять, – начал Н.Н.” (“Ася”), “Не потрудитесь ли вы [...] передать нам подробности такого любопытного события? Можно! – отвечал помещик и [...] заговорил так” (“Собака”). “Небольшой человек [...] начал следующим образом” (“Андрей Колосов”), “Извольте усесться, вооружитесь терпением и слушайте” (“Три портрета”), “Ну, слушайте ж, начал

³ А.И. Рейтблат в статье о чтении вслух в первой половине XIX века приводит целый ряд примеров чтения в семье, в салонах и т. д. Он также указывает, что чтение (а тем более вслух) оценивалось как работа, и, соответственно, исполнять ее должно было лицо, обладавшее более низким статусом, так, напр., дети читали родителям. Рейтблат также приводит три примера взрослых, которых заставляли читать вслух: крепостного, воспитанницу в институте благородных девиц и фрейлину (Рейтблат 2001: 34). Однако он не упоминает о том, что во второй половине XVIII и первой половине XIX века чтецы были особой категорией наемного труда. Ср. “Устар. Человек, нанятый кем-нибудь для чтения ему книг” (ССРАЯ 17: 1112).

⁴ Если набрать в поисковой системе сочетание ‘Тургенев’ и ‘чтец’, Интернет покажет значительное количество ссылок. Это или информация о конкурсах юных чтецов и о композициях, посвященных жизни и творчеству Тургенева (“1-й чтец...”), или же о чтецах аудиокниг с его текстами.

он.” (“Жид”). Впрочем, и письма Тургенева, в первую очередь письма к друзьям, особенно юношеских и студенческих лет, “зачастую прямо рассчитаны были на чтение вслух” (М.П. Алексеев в предисловии к письмам, ПСП 1: 30).

Мотив чтеца встречается у Тургенева в произведениях, где описывается старинный помещичий быт. В повести “Несчастливая” (1868) Сусанна, внебрачная дочь помещика Колтовского, двенадцати лет от роду становится его чтицей, “*sa retite lectrice*”; она читает ему французские сочинения прошлого столетия “каждый день, иногда три, четыре часа сряду”, несмотря на то, что ей “было вредно так много и громко читать”. Колтовской “*aime les voix jeunes*” (ПСС 10: 108-111). Фигура ‘лектрисы’ имела уже в неоконченном романе “Два поколения” (1853-1855), по-видимому, уничтоженном самим автором: там упоминается в этом качестве бедная 24-летняя девушка Елизавета Михайловна, компаньонка в доме богатой помещицы Гагиной (ПСС 6: 381; ПСП 2: 168). В повести “Степной король Лир” (1870) старый помещик Харлов “призывал казачка Максимку и приказывал ему или читать вслух из единственной забредшей к нему в дом книги, разрозненного тома новиковского “Покоящегося трудолюбца” 1785 года, или петь. И Максимка, который, по странной игре случая, умел читать по складам и поэтому сделался постоянным чтецом Харлова, принимался, с обычным перерубанием слов и перестановлением ударений, выкрикивать фразы, вроде следующей: ‘Но человек страстный выводит из сего пустого места, которое он находит в тварях, совсем противные следствия. Каждая тварь особо, сказывает он, не сильна сделать меня счас-тливим!’ и т. д.” (ПСС 10: 192-193). Постоянным чтецом Максим сделался только в беловом автографе повести. Здесь фигурирует также чтение вслух официальной бумаги, раздельного акта, которым Харлов отказывается от своего владения, причем чтец, Слеткин, читает “трепетно, но внятно, со вкусом и чувством”, а когда он доходит до неприятного для него куска текста, голос его звенит и дрожит.⁵

⁵ Мы, впрочем, не рассматриваем вопрос о том, какую роль играет голос в физиогномических описаниях Тургенева. Ср. например: “Гонкий звук голоса Рудина не соответствовал его росту и его широкой груди” (гл. 3). Оставим в стороне и то, как Тургенев использует для характеристики героев их манеру говорить: напр., Аркадий Павлыч в очерке “Бурмистр” “говорит голосом мягким и приятным, с расстановкой и как бы с удовольствием пропуская каждое слово сквозь свои прекрасные, раздушенные усы”, а речь героя в очерке “Касьян с Красивой Мечи”, очевидно, сектанта, описывается так: “Странный старичок говорил очень протяжно. Звук его голоса также изумил меня. В нем не только не слышалось ничего дряхлого, — он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен”. В повести “Степной король Лир”: “Голосок у Анны Мартыновны был очень приятный, звонкий и словно жалобный..., вроде того, какой бывает у хищных птиц” (ПСС 10: 198-199). Этот вопрос о “вокальных паспортах” героев (Роман Якобсон [1980], цит. по Meyer-Kalkus 2001: 133) — особая тема.

Но в целом чтение вслух в прозе Тургенева играет скромную роль, особенно в сравнении с произведениями А.Ф. Писемского. Автор “Тысячи душ”, сам известный актер и чтец, почти в каждой своей пьесе и романе выводит героя, с успехом декламирующего перед публикой. Но и у Тургенева мы находим два случая, когда подробнейшим образом описывается манера чтения и производимое ею впечатление. В повести “Пунин и Бабурин” рассказчик вспоминает, как он в 1830 г. мальчиком с огромным удовольствием слушал чтение стихов Пуниным, бывшим семинаристом: “Раздаются наконец первые звуки чтения! Всё вокруг исчезает... нет, не исчезает, а становится далеким, [...] с нами поэзия, мы проникаемся, мы упиваемся ею, у нас происходит важное, великое, тайное дело... Пунин преимущественно придерживался стихов – звонких, многошумных стихов; [...] Он не читал, он выкрикивал их торжественно, залихват, закатиисто, в нос, как опьянелый, как иступленный, как Пифия! И еще вот какая за ним водилась привычка: сперва прожужжит стих тихо, вполголоса, как бы бормоча... Это он называл читать начерно; потом уже грянет тот же самый стих набело и вдруг вскочит, поднимет руки – не то молитвенно, не то повелительно... Таким образом мы прошли с ним не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира (чем старше были стихи, тем больше они приходились Пунину по вкусу), но даже *Россиаду* Хераскова (ПСС 11: 171). А когда в конце этой части рассказа своенравная помещица прогоняет Пунина и его друга Бабурина со двора, при отъезде он “вскочил на сиденье тарантаса, поднял обе руки кверху и начал громовым голосом (откуда он у него взялся!) декламировать известное переложение Давидова письма Державиным, пиитой на этот раз – а не царедворцем:

Восстань, всесильный бог! Да судит
Земных богов во сонме их! ...
Доколь вам, рек, доколь вам будет
Шадить неправедных и злых?
Ваш долг есть сохранять законы...”

А позже, в 1837 г., при другой встрече с рассказчиком, Пунин прочитывает стихи, им самим сложенные:

С пеленок не шадя гонений лютых, рок
Ко краю бездны зол Бабурина привлек!
Но огонь во мгле, злат луч на гноище блистает, –
И се! победный лавр чело его венчает!

“Пунин произнес эти стихи размеренным певучим голосом и на ó, как и следует читать стихи” (ПСС 11: 193)⁶.

⁶ Этот эпизод традиционно приводится исследователями русской фонетики в связи с освобождением от оканья в произношении стихов к началу XIX в. (ср. Панов 1990: 191).

В повести “Дворянское гнездо” студент Михалевич, “энтузиаст и стихотворец”, читает Лаврецкому романтическое стихотворение, им самим сочиненное, в котором он “выразил самые задушевные [свои] убеждения”. На эту сцену ссылается Александр Блок, сокрушаясь в 1908 г. о том, что стихи не вписываются в ритм сегодняшней речи: “Заметили ли вы, что в нашей быстрой разговорной речи трудно процитировать стихи? В тургеневские времена можно было еще процитировать, даже Михалевич (‘Дворянское гнездо’) (??) [гл. 25], а теперь стихи стали *отдельно* от прозы; все от перемены ритма в жизни” (Блок 1965: 115; курсив Блока).

Чтение стихов

Как было принято читать стихи в тургеневские времена? Нина Берберова в прелиминариях к английскому изданию поэмы Андрея Белого “Первое свидание” (*The First encounter*, 1979) различает четыре традиции чтения стихов в России (не в хронологическом порядке):

1. the nursery-rhyme traditon, a childish scanning in reciting not only children’s verse [...] putting stresses on every iambic foot. [...] This tradition still exists.
2. The Stanislavsky Theater tradition. The poetry sounds like prose when pronounced as in a casual monologue [...] Some gestures are added.
3. The declamatory one [...] Mayakovsky in reading (declaiming) his poems to Maxim Gorky, [or] in Madison Square Garden [...] Evtushenko.
4. The fourth tradition is what Polonsky (1819-98) and Pleshcheev (1825-93) heard from Turgenev about Pushkin’s reading. This is unequivocally based not on the sentence, but on the line. The unit is the line, no matter what the punctuation says, and regardless of the enjambement, which would be only slightly hinted at by the voice. And this is where the false pyrrhics start to play their part: These omitted or slurred words that gave the Russian tetrameter a license to live on borrowed time und kept the old prosody from dying, vastly enriched the sound texture of the iambic in the first quarter of our century.

Эта традиция, по Берберовой, держалась до революции, хотя одни поэты читали свои стихи нараспев, подчиняясь собственной ‘сугубо индивидуальной мелодии’ (Белый, Гумилев, Кузмин, Бальмонт и, кажется, Мандельштам), а другие (Гишпиус, Блок, Сологуб и Ходасевич) не так напевно, с более спокойной интонацией. Но, говорит автор,

Nevertheless, both groups (as with my own generation) belong to one school of reciting verse, whose initiator was heard by the young Turgenev (Berberova 1979: XXVII–XIX).

Есть еще пятая традиция, которую Нина Берберова не упоминает, может быть, потому, что считает ее относящейся к далекому прошлому: это торжественная ‘до-пушкинская’ манера чтения, отголоски которой мы находим в вышеупомянутой декламации Пунина, хотя в его чтении несомненно есть и ‘индивидуальный элемент’. Эта манера восходит к традициям классицизма, ко временам, когда речи персонажей в романе вводились оборотом: “Возопил он”.

Если верить свидетельствам современников – а верить им мы в данном случае вынуждены – сам Тургенев следовал пушкинской традиции. “Иван Тургенев читал стихи нараспев и с торжественной интонацией, согласно пушкинской традиции”, утверждает писатель Е.М. Гаршин (1860-1931), слышавший Тургенева в августе 1881 года в Спасском (Дурылин 1937: 214). “Он [Тургенев] говорил нам, что не слышал, как читал сам Пушкин, но что манеру его чтения ему воспроизводил один из его друзей, слышавших самого Пушкина” (Дурылин, там же). По словам М.Н. Розанова (1858-1936), присутствовавшего на Пушкинских чтениях 1880 года, “Тургенев читал, усердно скандируя стихи, так что слушатель ни на минуту не забывал: Вот это – ямб, а вот теперь он читает стихотворение, написанное амфибрахиями.” (там же). Эти июньские дни 1880 г., Пушкинский праздник, вспоминает и Е.Р. Леткова-Султанова (1856-1937), специалист по художественному чтению – она начала свою литературную деятельность переводом на русский язык известной книги Эрнеста Легувэ *L'art de la lecture* (“Чтение как искусство”, 1879 г.) и дружила с еще одним специалистом по декламации, П.Д. Боборыкиным. О чтении Тургенева Леткова-Султанова сообщает, что он читал “Опять на родине” (Вновь я посетил...). Читал он “тихо, но было что-то в его чтении, несмотря на старческую шепелявость и слишком высокий голос, завораживающее...Выходил на вызовы семь раз.” (Леткова 1932: 468). Шепелявость Тургенева отмечена и в воспоминаниях самого Боборыкина: “Тургенев немного шепелявил [...] с прибавкой чуть заметного звука *c*. Это недостаток тоже дворянский, а не чиновничий и не купеческий. Но слабый голос и такая особенность произношения делали разговор Тургенева проще и привлекательнее” (Боборыкин 1965, 2: 389-390).

Тургенев рано стал декламировать стихи и слушать, как их читают другие. В 1835 году в Петербурге Т.Н. Грановский читал в присутствии 17-летнего Тургенева отрывок своей только что написанной драмы “Фауст”, а чуть позже друзья-студенты, вспоминает Тургенев в заметке “Два слова о Грановском”, вместе читали вслух новое собрание стихов В.Г. Бенедиктова. В 1837 г. Тургенев участвовал в литературном вечере у П.А. Плетнева. Вспоминая об этом в 1869 г., он пишет, что услышал тогда одно из последних стихотворений Бенедиктова в исполнении Е.П. Гребенки, а также был свидетелем того, как застенчивый А.В. Кольцов не решился прочесть свою последнюю “Думу”. Тургеневу это кажется понятным: “Действительно: как бы этот робкий человек, с такой смиренной наружностью, стал бы из уголка декламировать: Отец света – вечность, / Сын вечности – сила; Дух силы – есть жизнь – Мир жизнью кипит?!! и т. д.” (ПСС 14: 16-17). В письме

А.И. Герцену от 5 декабря 1856 он говорит о стихах Н.П. Огарева: они “получены и прочтены. Они мне нравятся по-прежнему – хотя лучше слышать их от него, чем самому читать. Его тихий и меланхолический голос придает им особенную прелесть – а когда сам читаешь, много замечаешь небрежностей и не довольно сжатых мест” (ПСП 3: 49). В письме к С.Т. Аксакову (31 мая 1854) он критикует некоторую ‘жесткость’ и шероховатость стихов Баратынского: “стих его никогда не стремится, даже не льется” (ПСП 2: 222). Такое суждение предполагает чтение вслух⁷.

В воспоминаниях о Тургеневе мы встречаем целый ряд свидетельств о его собственном чтении стихов.

Чаще всего он декламировал Пушкина. В 1873 г. он прочитал Н.А. Островской начало второй импровизации итальянца из “Египетских ночей”, а также “Чернь”, “Анчар” и “Брожу ли я вдоль улиц шумных”: “Тургенев стал припоминать стихотворение за стихотворением: ‘Говорить стихов, как должно, я не умею, – сказал он. – Их надо говорить и естественно и с опьянением.’ Он декламировал хорошо, с истинным чувством, хотя немножко по-старинному, немножко слепком восторженно” (Фридлянд 1969, II: 72).

С.Л. Толстой вспоминает, как в августе 1878 г., зайдя в кабинет отца, он услышал, как Тургенев декламировал из стихотворения Пушкина “Пир Петра Первого”: “Над Невою резво вьются...” и спрашивал Толстого: “Разве не удивительно сказано? вы не слышите гром пушек в стихах

И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена?”

Толстой возразил: “Когда писатель пишет стихами, он ограничен в выборе выражений рифмой и размером: если хочешь точно выразить свою мысль, то нельзя писать стихами” (Фридлянд 1969, II: 364-365).

Л.Ф. Нелидова в 1879 г. много говорила с Тургеневым о Пушкине, они оба знали множество его стихов наизусть, и Иван Сергеевич заставлял ее “произносить целые главы из Евгения Онегина”, а при строке “С каким тяжелым умиленьем” он ее остановил: “Вот что нужно изучать, учить наизусть – стихи и прозу” (Фридлянд 1969, II: 255).

В воспоминаниях Я.П. Полонского есть рассказ о том, что Тургенев летом 1881 г. попросил его сочинить для него “стиха четыре, но таких, чтоб они были и

⁷ Тургенев цитирует стихотворение

Когда твой голос, о поэт,
Смерть в *высших звуках* остановит ...

имея в виду, очевидно, какофонию от стыков согласных [курсив мой – П. Б.], но также и всю фактуру стихов.

бессмысленны, и в то же время загадочны”. Полонский говорит, что он “не знал, для каких художественных соображений нужны стихи и в каком тоне (а тон тут главное). Через несколько дней Тургенев прочел мне:

Месяц стал, как круглый щит,
Как змея, река блеснит.
Друг проснулся, недруг спит –
Ястреб курочку когтит,
Помогай! ...

Это Тургенев тем временем сам сочинил те таинственные, жуткие стихи, которые бормочет Муций в повести “Песнь торжествующей любви”.

В конце июня 1881 г. Тургенев, рассказывает Полонский, припомнил юмористические стихи С.А. Соболевского на В.Ф. Одоевского: Тургенев “несколько раз повторил их вслух и читал не без удовольствия”, “стараясь читать как можно серьезнее, но придавая комический оттенок своему лицу и повышению своего голоса”. Затем Тургенев стал вспоминать собственные старые эпиграммы на своих старых друзей, А.В. Дружинина, Н.Х. Кетчера, А.В. Никитенко и Достоевского (Фридлянд 1969, II: 398-400). Эти эпиграммы слышал из уст Тургенева также Д.В. Григорович, тексты у обоих мемуаристов совпадают, так что авторство Тургенева можно считать бесспорным (ПСС 15: 413-417).

Немалую роль в жизни Тургенева играла и декламация произведений зарубежной литературы. Так, Полонский вспоминает, что в 1881 г. во время пребывания в Спасском хозяин усадьбы иногда “вслух читал или заставлял меня читать монологи из Корнеля, Мольера и других” (Фридлянд 1969, II: 423).

Вершиной успеха стало для Тургенева-декламатора выступление на Пушкинском празднике 1880 года: “Приветствуемый особенно шумно, он подошел к рампе и стал декламировать на память, и нельзя сказать, чтоб особенно искусно, ‘Последнюю тучку рассеянной бури’, но на третьем стихе запнулся, очевидно его позабыв, и беспомощно разведя руками, остановился. Тогда из публики, с разных концов, ему стали подсказывать все громче и громче. Он улыбнулся и сказал конец стихотворения вместе со всею залой. Этот милый эпизод еще более подогрел общее чувство к нему” (Кони 1968, VI: 314).

Чтение прозы вслух для апробации текста

Пушкин, а также, например, Некрасов любили проверять качество своих текстов чтением их вслух в ходе работы, в рабочем кабинете (Бранг 2010: 146, 32). О Тургеневе до нас не дошло подобных свидетельств. Зато в его переписке и воспоминаниях современников много упоминаний о том, что он охотно читал свои еще неопубликованные произведения в кругу друзей для проверки воздействия на слушателей. В наше время тексты чаще всего проходят ‘обкатку’ на литературных

конкурсах и фестивалях. Тургенев – в этом его большое отличие от Достоевского (ср. ПСП 2: 104) – до конца жизни сомневался в собственном таланте и постоянно боялся провала; поэтому он снова и снова представлял свеженанписанные, еще не отданные в печать произведения на суд друзей и коллег-литераторов, с благодарностью выслушивая критику и советы. Так, в 1847 г. он прочел П.В. Анненкову только что оконченный очерк “Гатьяна Борисовна и ее племянник” (ПСП 1: 276, 576), опубликованный в 1848 г., а 8 июля 1854 г. в Петергофе читал Н.А. Некрасову и И.И. Панаеву повесть “Затишье”, которая вышла из печати в сентябре.

Особенно часто Тургенев читал знакомым свой первый роман. В конце июля 1855 г. он прочел “Рудина” в Покровском у Толстых (Звенья 1932, 1: 289), а потом написал М.Н. Толстой: “Все Ваши замечания верны – и я их приму к сведению и переделаю всю последнюю сцену с матерью” (ПСП 2: 303); в конце октября он прочел роман в Петербурге в кружке “Современника” – ему сделали несколько дельных замечаний, которые он тоже “принял к сведению”. Некрасов 24 ноября пишет В.П. Боткину: “Ты дал ему лучшие страницы повести, натолкнув его на мысль развить студенческие отношения Лепицына и Рудина” (ПСП 2: 319, 593; Лепицын – фамилия Лежнева в первой редакции). Боткину, своему *arbiter litterarum*⁸, Тургенев сообщает 3 декабря: “Я уже многое переделал в Рудине и прибавил к нему. Некрасов доволен тем, что я прочел ему” (ПСП 2: 324). 13–14 июля 1856 г. Тургенев читает Боткину черновую редакцию “Фауста” (ПСС 7: 396), а 18 августа посылает Панаеву этот рассказ, “выправленный по замечаниям Боткина”, Некрасова и самого Панаева (ПСП 3: 8); 28.11.1857 он пишет Л.Н. Толстому по поводу повести “Ася”: “Я ее прочел Боткину: он дал мне дельные советы, которыми я воспользовался” (ПСП 3: 169). В марте 1860 г. Тургенев читает повесть “Первая любовь” “ареопагу, состоявшему из Островского, Писемского, Анненкова, Дружинина и Майкова. Ареопаг остался доволен и сделал только несколько неважных замечаний” (ПСП 4: 53-54). 3 ноября 1868 г. он пишет Анненкову: “Если вы произведете чтение ‘Несчастной’, то пригласите Кавелина для того, чтобы он убедился, что я последовал его совету и выкинул целое лишнее лицо” (ПСП 7: 235). То же было и с повестями “Первая любовь”, “Собака”, “История лейтенанта Ергунова”, “Несчастливая”, с романом “Дым” и т. д.

О чтении Тургеневым еще неизданного романа “Отцы и дети” в присутствии Боткина, Н.В. Ханькова, К.К. Случевского и В.Д. Скарятин в октябре 1861 есть подробный рассказ Н.В. Щербаня: “Тургенев читал мастерски, без декламаторских приемов, задушевно. [...] Страница летела за страницей, и переворачивая листы, Иван Сергеевич посматривал на слушателей, как бы ловя впечатление. [...] Для обоих [Боткина и Тургенева] восхищение слушателей имело значение, разумеется, не как мнение такого-то и такого-то, а как первая проба над публикой” (Фридлянд 1969, II: 40-41). Летний приезд в Россию в 1870 г. Тургенев исполь-

⁸ Боткин “бесценный товарищ и советчик” (Л.Н. Толстому, ПСП 3, 211).

зовал для чтения рукописи “Степного Короля Лира” “русским слушателям, [для] советов с друзьями и дополнительной обработки текста”. В Петербурге он читает повесть Анненкову, а в Москве 29 мая – в доме А.К. Толстого. Это чтение навело его на мысль “произвести значительные исправления” (письмо А.М. Жемчужникову от 15 июня). В июле 1881 г. Тургенев читал “Песнь торжествующей любви” Полонскому и Савиной, рассказ был напечатан в Вестнике Европы в ноябре того же года. Очень ясно принцип ‘пробного чтения’ выступает в письме Полонскому от 18 дек. 1871. Речь идет о повести “Вешние воды”, она “появится в январском № Вестника Европы: не знаю, что из нее вышло – ибо никому ее не читал и никакого мнения еще не слышал” (ПСП 9: 184). Примеры легко умножить.

Иногда пробное чтение проходило в присутствии издателя. 31-го июля 1882 г. в Париже Тургенев сказал М.М. Стасюлевичу, что у него с собой “какие-то материалы” – он принес рукопись “Стихотворений в прозе”. А тот просил его, не прочтет ли он хоть что-нибудь из этих листков. “Он и прочел сначала ‘Деревню’, а потом ‘Машу’. Мастерское чтение последней подействовало на меня так, что мне не нужно было ничего к этому присоединять; он прочел еще две три пьесы” (Фридлянд 1969, II: 447).

Интересно, что Тургенев пользовался чтением вслух и для апробации чужих произведений. На вопрос Некрасова в письме к Тургеневу от 20 января 1953 г.: “Что ты думаешь о комедии Писемского?” [“Раздел”. Р.Б.], Тургенев отвечает 6 февраля: “Комедию Писемского я принялся читать вслух и одолел только два акта – это очень дюжинная [...] вещь”. 24 февраля 1866 г. он пишет Анненкову: “Я рекомендовал г-же Виардо для чтения на русском языке (вместе со мною) ‘Детство’ Толстого. Стал я читать – и вдруг убедился, что это пресловутое ‘Детство’ – просто плохо, скучно [...]” (ПСП 6: 55). Может быть, к такому суждению привело его именно чтение этой повести вслух? Ведь 12 мая 1853 г. он назвал ее “прелестной”. 16 ноября 1856 он пишет Толстому: “Вы окончили 1-ую часть ‘Юности’ [...] Как мне обидно, что я не могу услышать ее!” (ПСП 3: 43) А 9 марта 1866 г. сообщает И.П. Борисову: “Я зачитал с г-жой Виардо ‘Казакки’ Толстого – и сугубо наслаждаюсь: экая неподдельная поэзия и красота!” (ПСП 6: 60).

Иногда Тургенев и сам выступал в роли ‘пробного’ слушателя, если его об этом просили. “Гончаров прочел нам с Боткиным своего оконченного ‘Обломова’; есть длинноты, но вещь капитальная” (Н.А. Некрасову, 9 сент. 1857; ПСП 3: 151). 15 января 1872 он прослушал все написанные к этому моменту 115 страниц романа Флобера ‘Искушение Святого Антония’ (1874), после чего Флобер написал о нём в письме к Жорж Санд: “*Quel auditeur! et quel critique!*” В конце 1878 г. Флобер ожидает приезда Тургенева, чтобы прочитать ему три главы своего сатирического романа “Бувар и Пекюше”. Флобер тоже был убежденным приверженцем ‘пробы глоткой’ (*épreuve du gueuloir*).

Опекая молодые таланты, Тургенев также заставлял их читать написанное вслух. Так, А.Н. Луканина (Паевская) прочла ему свои рассказы “Любушка” и

“Березай”, а также очерк “Дядя Ваня” до того, как они были напечатаны в “Вестнике Европы”, а сам он прочел ей несколько страниц из “Жития Аввакума”, чтобы показать “живую речь московскую” (Фридлянд 1969, II: 210); рассказ Е.И. Апрелевой “Аполлон Маркович” (опубликованный под псевдонимом “Ардов” – анаграммой фамилии Виардо) был прочитан в салоне Виардо в французском переводе (*там же*: 189).

Декламация на литературных вечерах и в частном кругу

Особенно много выступал Тургенев на литературных вечерах в 1860-1862 гг., когда в либеральное царствование Александра II в России впервые были организованы публичные литературные чтения, а также во время приездов в Россию в 1879-1880 гг.; разумеется, он выступал чтениями и на Западе, больше всего в Париже. Почти всегда это были выступления с благотворительной целью. Тургенев читал в первую очередь собственные сочинения, но иногда и других авторов.

Именно Тургеневу выпала честь открыть первый литературный вечер в Санкт-Петербурге 10 января 1860 г. Он произнес речь “Гамлет и Дон-Кихот”, а 16 марта прочел первый рассказ из “Записок охотника”. Пантелеев вспоминает: “Голос у И.С. был негромкий, не особенно приятный, но такова была простота и вдумчивость его чтения, что Хорь и Калиныч стояли перед слушателями как живые: в каждом слове чувствовалась все переливы их души, оттенялась контрастность двух типов” (Пантелеев 1958: 222). С.В. Павлова рассказывает о чтении в 1880 г.: “Первым читал Тургенев, величественный человек с красивой осанкой, с гривой седых волос над выразительным лицом. Раздался его звучный голос. Читал Тургенев артистически – на разные голоса – и умел интонацией охарактеризовать каждое лицо. ‘Певцы’ встали перед публикой как живые” (Павлова 1946: 116-117). Глеб Успенский помнит, что Тургенев 15 февраля 1875 г. на вечере в пользу русской библиотеки в Париже – в салоне П. Виардо – читал свой рассказ “Стучит!”, а именно так, что “мороз по коже подирал” (ЛН 73, 2: 446). Он отметил в особенности мастерство Тургенева в передаче ритма: “Стучит – стучит – потрясло меня и всех, как быстро приближалась телега с шайкой разбойников” (ПСС 4: 609).

Тут невольно вспоминается старый спор о том, хорошие или плохие чтецы своих сочинений сами авторы⁹. Похоже, убедительнее оказывается в целом авторское исполнение прозы – там диапазон возможностей не так велик. А. Суворин вспоминает чтение Тургеневым “Собаки”: “Рассказ этот был так живописен и увлекателен, что производил огромное впечатление. Когда впоследствии я прочитал его в печати, мне он показался бледной копией с устного рассказа Тургене-

⁹ Еще Р. Шеридан в “*Lectures on Elocution*” (1762) говорит, что “в общем никто не читает хуже, чем автор” (ср. Weithase 1930: 136).

ва”. (Фридлянд 1969, II: 547); а С.А. Толстой рассказывает, что Тургенев во время пребывания в Ясной Поляне (в 1878 г.) “в один из вечеров читал свой рассказ ‘Собака’. Он читал выразительно, живо и просто – без вычурных интонаций. Но самый рассказ ни на кого, в том числе на моего отца, большого впечатления не произвел” (*там же*: 367). Очевидно, впечатление от текста сильнее в авторском чтении.

С особенным удовольствием Тургенев читал некоторые рассказы из “Записок охотника”, а именно “Живые мощи”, “Певцы”, “Альгов”, “Малиновая вода”, “Бурмистр”, “Бирюк”.

Тургеневу случалось читать на вечерах и в частном кругу также произведения других русских писателей – чаще всего в Париже. Он относился к этим выступлениям всерьез и усердно готовил выразительное чтение. В начале марта 1875 г. Глеб Успенский пишет Н.К. Михайловскому из Парижа в Петербург: “Тургенев прочел мой рассказ ‘Ходоки’ и прочел превосходно. Я не присутствовал на чтении, но присутствовал на приготовлении к чтению: Тургенев прорепетировал рассказ раз 7 – 8, изучил, каким голосом, как и что сказать до мельчайших подробностей. Я из сил выбился слушать его, но за то вышло отлично”. (Успенский 1951: 152, 577). Тургенев интересовался мнением автора о своем чтении.

А.Н. Луканина вспоминает, что Тургенев 15 мая 1879 читал сказку Щедрина “Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил” (современники свидетельствуют также, что Тургенев позаботился о французском переводе этой сказки): “никогда я не наслаждалась больше Щедриным, как при этом чтении.” В тот же вечер он также читал “Цыган” <Пушкина>.. “...он читал превосходно. Он делал пропуски, потому что вся поэма слишком длинна, чтобы быть прочитанной в один раз на литературном вечере. Лучше всего Иван Сергеевич прочел то место, где старик цыган говорит Алеко, чтобы он оставил табор” (Фридлянд 1969, II: 222).

В 1881 г. Тургенев перечитывал романы Толстого и много говорил о них в дружеском кругу. Полонский вспоминает, что он на другой день утром “вынес к нам роман ‘Война и мир’ и мастерски прочел нам вслух из первой части (глава XIII), ‘как мимо Багратиона шли в сражение с французами два батальона 6-го егерского полка’. [...] Тургенев дочел всю эту главу до конца с видимым увлечением и, когда кончил, сказал, поднимая голову: ‘Выше этого описания я ничего не знаю ни в одной из европейских литератур!...’” (Фридлянд 1969, II: 430).

Но, хотя Тургенев умел и любил читать вслух, он порой утверждал, что отец из него плохой. Так, 25 ноября 1853 он писал Анненкову, что вышлет ему новый рассказ (“Два приятеля”): “Читаю я плохо – да и Вам, я думаю, будет так сподручнее. Мнение свое Вы мне скажете при свидании” (ПСП 2: 212). Однако рассказ он так и не отослал и, судя по всему, прочел его Анненкову в Петербурге. Под старость он нередко опасался, что чтение выйдет плохо. Когда в марте 1879 г. П.И. Вейнберг пригласил его читать в пользу Литературного Фонда сцену из “Провинциалки” вместе с актрисой М.Г. Савиной (1854–1915), то он сначала отнекивался,

боясь “осрамиться рядом с профессиональной чтицей”, а потом согласился, “если на репетиции это не будет очень плохо” (Фридлянд 1969, II: 383)¹⁰.

Последние выступления Тургенева в роли декламатора проходили в Париже. 1 января 1882 в парижском “Обществе русских художников” он прочел сперва свой новый рассказ “Отчаянный”, а затем пушкинского и лермонтовского “Пророков”. Публика была в восхищении, а Тургенев написал П.В. Анненкому, что читал “с успехом” (ПСП 13, 1: 201). В конце марта того же года началась тяжелая предсмертная болезнь. В канун нового 1883 года Тургенев выступил в последний раз – с чтением трех “Стихотворений в прозе” в “Обществе русских художников” (ЛН 73, 1: 398, 415-416), хотя был уверен, “что эти ‘Стихотворения’ вовсе не пригодны для *публичного* чтения. Они могут иметь некоторый успех только в интимном кругу” (ПСС 13: 101).

Отталкиваясь от замечания Б. М. Эйхенбаума о том, что Тургенев стремится рассказывать и “всегда обращается к слушателю”, мы рассмотрели разные аспекты “звучащего слова” в его жизни и творчестве. Оказалось, что неожиданно большую роль играет чтение вслух литературных произведений в узком кругу до их появления в печати. Это объясняется, с одной стороны, желанием Тургенева заранее выяснить реакцию публики, а с другой – социально-культурными факторами: той атмосферой дружеского соревнования, которая царилла тогда в ‘дворянской республике’ русских ‘литературных деятелей’¹¹.

Сокращения

ЛН:	“Литературное наследство”
ПСП:	И.С. Тургенев, <i>Полное собрание писем в 13 тт.</i> , под гл. ред. М.П. Алексеева, Ленинград 1961-1967.
ПСС:	И.С. Тургенев, <i>Полное собрание сочинений в 15 тт.</i> , под гл. ред. М.П. Алексеева, Ленинград 1960-1968.
ССРЯ:	<i>Словарь современного русского литературного языка, I-XVII</i> , Москва-Ленинград 1950-1965.

¹⁰ И действительно, в первом отделении вечера, “Тургенев прочел ‘Бирюка’. Читал Тургенев вообще плохо, а тут еще волновался”, вспоминает Савина. Ф.М. Достоевский, который тоже участвовал в этой программе, пошел слушать в оркестр, а потом в артистической говорил Савиной: “У Вас каждое слово отточено, как из слоновой кости, а старичок-то пришепётывает”. Савина “очень огорчилась такой похвалой, вызванной”, как ей казалось, “антипатией к Ивану Сергеевичу” (Фридлянд 1969, II: 383-384).

¹¹ Благодарю М.М. Сокольскую за критический просмотр текста.

Литература

- Блок 1965: А. Блок, *Записные книжки 1901-1920*, Москва 1965.
- Боборыкин 1965: П.Д. Боборыкин, *Воспоминания в 2 тт.*, Москва 1965.
- Бранг 2010: П. Бранг, *Звучащее слово. Заметки по теории и истории декламационного искусства в России*, Москва 2010.
- Гринберг 1964: А.Г. Гринберг (сост.), *Материалы для библиографии воспоминаний о Тургеневе*, “Литературное Наследство” LXXIII, 1964, 2, с. 412-451 [этот перечень ценен особенно тем, что вкратце называет темы и мотивы, упоминаемые в указанных мемуарах].
- Дурылин 1937: Н.С. Дурылин, *Чтецы Пушкина*, “Красная новь”, 1937, 1, с. 206-222.
- Клеман 1934: М.К. Клеман (сост.), *Летопись жизни и творчества Тургенева*, Москва 1934.
- Кони 1968: А.Ф. Кони, *Собрание сочинений в 8 тт.*, Москва 1968.
- Леткова 1932: Е.П. Леткова, *О Ф.М. Достоевском. Из воспоминаний*, “Звенья”, I, 1932, с. 459-477.
- Мостовская 1997: Н.Н. Мостовская (сост.), *Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1867-1870)*, СПб. 1997.
- Мостовская 2003: Н.Н. Мостовская (сост.), *Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876-1883)*, СПб. 2003.
- Никитина 1995: Н.С. Никитина (сост.), *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818-1858)*, СПб. 1995.
- Павлова 1946: С.В. Павлова, *Из воспоминаний*, “Новый мир”, 1946, 3, с. 116-118.
- Панов 1990: М.В. Панов, *История русского литературного произношения XVIII–XX вв.*, Москва 1990.
- Пантелеев 1958: А.Ф. Пантелеев, *Воспоминания*, Москва 1958.
- Рейтблат 2001: А.И. Рейтблат, *Чтение вслух как культурная традиция*, в: А.И. Рейтблат, *Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи*, Москва 2001, с. 30-35.
- Успенский 1951: Г.И. Успенский, *Полное собрание сочинений в 14 тт*, XIII, Москва 1951.
- Фридлянд 1969: В.Г. Фридлянд (сост.), *И.С. Тургенев в воспоминаниях современников*, I-II, Москва 1969.
- Эйхенбаум 1924: Б.М. Эйхенбаум, *Иллюзия сказа*, в: Он же, *Сквозь литературу. Сборник статей*, Ленинград 1924 (Photomechanic Reprint ?S-Gravenhage 1962), с. 152-156.

- Berberova 1979: N. Berberova, *Preliminary Remarks, Notes and Comments*, в: A. Bely, *The First Encounter*, transl. and introduced by G. Janeček, Princeton 1979, p. XXVII-XXIX.
- Meyer-Kalkus 2001: R. Meyer-Kalkus, *Stimme und Sprechkünste im 20. Jahrhundert*, Berlin 2001.
- Weithase 1930: I. Weithase, *Anschaungen über das Wesen der Sprechkunst von 1775-1825*, Berlin 1930.

Abstract

Peter Brang
Turgenev as a Reader

In his book *Zvůčášřee slovo* (Moskva 2010) the author dealt with the mutual relations between the theory of versification and the theory of declamation and with the question of how Pushkin, Gogol, Dostoyevsky and Blok used to read literary texts aloud, and, in addition, with their general attitude towards the “sounding word”. In this study, starting from B.M. Ejchenbaum’s remark that Turgenev is always striving to “tell” and “always addresses himself to a listener”, the author examines several aspects of the role that the “sounding word” played in the writer’s life and work. The most important sources he used are the memoirs of Turgenev’s contemporaries and his letters. It turns out that readings of still unpublished literary works in small circles played an unexpectedly large role. This can be explained by the writer’s wish to test the reaction of the public, but also by sociocultural factors: the atmosphere of friendly competition that reigned during that period in the aristocratic republic of Russian ‘literary workers’.

Keywords

19th Century Russian Literature; I.S. Turgenev; *Chudožestvennoe čtenie*